

ПСИХОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ¹

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

Автор говорит о первоначальном духовном опыте и его выражении, о возможности и путях передачи его другому человеку, о пересечении религиозного опыта и его интеллектуального осмысления и выражения. Он указывает на то, что невыразимый духовный процесс является, вместе, тончайшим, четким психологическим процессом.

У меня нет настоящих знаний по двум пунктам заявленной темы, но я хотел бы в доступных мне пределах предложить вам некоторые мысли, которые для меня представляются важными.

Прежде всего, когда мы говорим о религии, мы говорим о чем-то очень сложном. С одной стороны, существует религиозный опыт, с другой стороны, этот опыт развился и получил выражение в догматах, в богословии, в богослужении, в молитвах святых и в молитвах нас, грешных. Так что когда мы говорим о религии, мы сразу говорим о пересечении религиозного опыта и его интеллектуального осмысления и выражения. Поэтому я хотел бы для начала сказать кое-что об опыте как таковом, опыте, который еще не перешел в область умственную, не выражен в словах.

Очень часто, слишком часто, когда мы говорим о духовности, мы думаем о том, как мы сами проявляем свою духовную жизнь, свой опыт Бога, свой опыт самих себя и, в целом, свой опыт христианской общины. Но это все является, так сказать, побочным проявлением того, чем духовность является на самом деле. В основе своей, в сущности, духовность — это действие в нас Святого Духа: что совершает в нас Святой Дух, что мы воспринимаем, — воспринимаем, часто, помимо слов и так, что не способны выразить это словами. Вот один или два примера.

Мы все свободно употребляем слово *Бог* и точно знаем, **что** имеем в виду, когда произносим его. Но только иностранец вроде меня поста-

¹ Выступление в Sion College (10 декабря 1990г., Лондон).

рается найти, **что** это слово значило изначально. И если внимательно посмотреть этимологической словарь, мы обнаружим, что это слово древнегерманского происхождения и означает, согласно словарю, «тот, перед которым падаешь ниц в поклонении». То есть когда мы употребляем слово *Бог*, мы не описываем *Его*, мы говорим, что случается *с нами*, когда мы осознаем Его потрясающее нас присутствие. И это мне кажется чрезвычайно важным, потому что наша встреча с Богом состоит именно в этом основном, сущностном переживании. Какое мы дальше дадим Ему имя, чтобы описать Его или чтобы передать свой опыт другим людям — это следующая ступень; первая состоит в том факте, что в какой-то момент мы внезапно осознаем присутствие Божие до такой степени, что это повергает нас на колени.

Я помню, как молодой человек рассказывал мне о том, что он пережил во Франции во время немецкой оккупации. Он шел по Парижу и должен был пройти по мосту через Сену. Он не имел права находиться на улице, потому что уже наступил комендантский час, его могли пристрелить на месте. Сияла полная луна, все было ясно видно на большом расстоянии. И на самой середине моста его внезапно охватило чувство Божия присутствия, и, забыв все, он упал на колени и положил земной поклон. Это не был заранее обдуманый поступок, это не было, так сказать, «литургическое действие», он просто не мог не сделать этого: произошло нечто, Бог был здесь, и только так можно было признать, засвидетельствовать этот факт Божественного присутствия. Он не мог выразить это словами, он не мог остановиться и пропеть молитвенное песнопение, прочитать псалом или молитву, он пал ниц в поклонении, вот и все. Вот пример такого основоположного опыта, когда на нас воздействует Сам Бог, и мы отзываемся. Это опыт без слов, в каком-то смысле он не имеет ничего общего со словами, хотя позднее может быть описан. Да, внешне случилось именно так: он пал на колени, но если спросить его, как выражалось его ощущение невероятного присутствия Божия, он не мог бы ничего сказать. Просто — Присутствие.

В одном романе французского писателя Жоржа Бернаноса есть место, где он описывает переживание человека, который после трагической духовной борьбы вдруг замечает, что комната, где он находится, наполнена тишиной. Он стоит, вслушиваясь в эту тишину, стараясь вникнуть в нее. И он обнаруживает, что эта тишина — не просто отсутствие шума, не просто внешний покой, он чувствует, что в сердцевине, в самом центре этой тишины — Присутствие. И благодаря этому Присутствию он может начать молиться. Сначала он молится, как бы при-

общаясь тишине, погружаясь в нее как можно глубже, а затем может выразить себя немногими молитвенными словами².

Это случается не только с великими мистиками. Я помню, как вскоре после моего рукоположения меня послали послужить в дом престарелых. После службы ко мне подошла почтенная старушка (она скончалась спустя какое-то время в возрасте ста двух лет) и сказала: «Я хочу задать вам вопрос о молитве. Как мне научиться молиться?» Я ответил: «Очень просто! Спросите кого-нибудь, кто умеет молиться». Она возразила: «Я многих спрашивала и никогда не получала вразумительного ответа; вот я и подумала, что вы, вероятно, ничего не знаете, так может быть скажете от себя что-нибудь полезное». Мой ответ основывался на романе Жоржа Бернаноса; я спросил: «А как вы молитесь?» — «Ну, я читаю молитву Иисусову или молитвослов». — «И подолгу читаете?» — «Да, в общем-то, все время». Тогда у меня и вырвалось: «Когда же Богу вставить словечко, если вы все время говорите?» — «А что же мне делать?» — Я сказал ей: «Вот когда вы утром встанете, приберете комнату, сядьте в кресло так, чтобы видеть икону и лампаду перед ней, видеть сад за окном, видеть на полочке фотографии всех тех, кого вы любите, и начните вязать перед лицом Божиим, но *ни слова не говорите*. Сидите тихо и постарайтесь вслушаться в тишину». Через неделю я с трепетом снова ее встретил. И она сказала мне: «А знаете, получается!» Я с изумлением спросил: «Что получается?» — «Ну, — рассказала она, — я устроилась в кресле и стала вязать. Слышалось постукивание спиц, и оно как-то подчеркивало окружающую меня тишину в комнате. Потом и этот звук исчез из моего внимания, и я осознала, что в комнате тишина, которая и есть Божие присутствие». Я тогда спросил: «И что вы сделали дальше?» — ожидая, что она разразилась молитвенными словами. «О, — сказала она, — это было так замечательно! Я сидела в полном безмолвии».

Вот примеры того, что я имею в виду, когда говорю, что в основе всего лежит переживание, которое за пределом слов, вне слов. Только спустя какое-то время мы можем что-то выразить словами.

Следующий этап для нас всегда — осознать, **что** именно с нами произошло, но такое осознание не бывает одновременным с самим событием. Мы все знаем, что когда с нами что-то происходит, мы полностью погружены в событие. Только когда мы отстраняемся от происходящего, мы можем взглянуть на него со стороны, осмыслить его, проанализировать, найти ему выражение. Есть место в писаниях

² Бернанос Ж. Дневник сельского священника. М.: Терра, 1997.

святого Макария Египетского, которое мне кажется очень интересным в этом отношении. Он говорит о том, каким образом непосредственный опыт становится верой. И вот что он говорит.

Предположим, вы лежите ночью в небольшой лодочке на море. Вы в покое, смотрите ввысь и видите звезды в темном небе, и чувствуете, как вас несут волны. И это полное и сложное переживание, которое охватывает ваше тело, включает в себя ваши эмоции, успокаивает ваши мысли и, возможно, направляет их в то или другое русло. А затем наступает отлив, и лодочка оказывается на песке. Вас уже не укачивают волны, лодка в покое, но в самом своем теле вы храните опыт того, чего уже нет, но вы *знаете*, что означает качаться на волнах. Может быть, с вами никогда больше этого не случится, но вы совершенно точно знаете, что это такое. В этот момент то, что было непосредственным опытом, становится воспоминанием, вы нечто опытно познали и никогда не забудете, если переживание было достаточно значительным. Непосредственное переживание ушло, но внутри вас оно неискоренимо, существует навсегда. И св. Макарий говорит, что это, вероятно, то, что автор Послания к евреям называет *уверенность в невидимом*. «Невидимое» означает то, чего нельзя уловить не только глазами, но вообще чувствами. Это уверенность, но самое переживание вы в данный момент уже не испытываете непосредственно.

Позвольте сказать, что это относится не только к Богу и религиозным предметам. Это относится к самым разным переживаниям. Непосредственное восприятие, за которым следует размышление; оно придает событию оформленность, и, тем не менее, есть уверенность в первичном переживании, и всегда есть несоответствие переживания и того, как мы его выражаем. Это относится к восприятию красоты, это относится к взаимоотношениям. Когда мы видим нечто и восклицаем: «Как прекрасно!», мы так выражаемся, потому что нас поразило в целом то, с чем мы встретились. Только позднее мы можем попытаться осмыслить свое восклицание и скажем: «Да, эта картина прекрасна по композиции, по красочности, по линиям, по сюжету, который что-то значит для меня». Но при первом взгляде у вас возникает непосредственное переживание: вас что-то ударило, и вы отозвались, как било, по которому ударили колотушкой.

Когда мы говорим о вере, мы говорим о такого же рода опыте. Нечто произошло, и мы приобрели уверенность, которую позднее можно проанализировать. И именно в этот момент из опыта начинает развиваться его выражение в словах или действиях. Когда чувство потрясающего нас Присутствия отошло, мы можем обратиться к предмету

переживания, то есть к Богу, и говорить с Ним нашими недостаточными человеческими словами. Эти слова несовершенны, они не выражают нашего опыта, они, как указатели, помогут сохранять пережитое в уме и в чувствах. Бог понимает все это гораздо лучше, чем мы способны выразить в словах. И здесь — то *религия* приобретает свое значение *связи*³: она соединяет то и другое, она связывает одно с другим; невыразимый опыт, несовершенное воспоминание и выражение опыта связаны в одно внутри человека или внутри общины, причастных тому и другому — опыту и пониманию слов и символов.

На этой стадии мы видим несколько способов охватить этот опыт. С одной стороны, это спонтанный *вопл*. Когда вы читаете, например, псалмы, ясно, что псалмопевец не писал их, сидя уютно в своем кабинете, псалмы — это горячий отклик на что-то, что произошло с ним. В одном из псалмов (сейчас не могу вспомнить, где, не могу точно процитировать) по ходу логически выстроенного текста, автор внезапно останавливается и, выражаясь по-современному, как бы между двух запятых восклицает: «Радость Ты моя!». Восклицание прерывает ход его слов, но в тот момент его сердце было слишком переполнено, он не мог дальше говорить с Богом упорядоченными фразами. Ему требовалось высказаться от сердца.

То же самое можно справедливо сказать о молитвах святых: эти молитвы не были *сочинены*. Впоследствии, возможно, они были постепенно переработаны, получили более трезвое или более пространное выражение, но все молитвы зародились как отклик на что-то. И тут, мне кажется, нам следует помнить, что мы ошибаемся, когда считаем, что в наших отношениях с Богом или в нашей молитве инициатива принадлежит *нам*. Первый шаг делает Бог, не мы. Вы, наверное, помните, как Христос обратился к Паскалю, когда тот ощупью искал веры, и сказал ему: «Ты Меня не искал бы, если бы уже не нашел Меня». Инициатива — от Бога, Бог первый встречает нас, только потом мы откликаемся. То же самое с молитвами святых. Неудивительно, что когда мы пытаемся пользоваться этими молитвами, это дается нам с трудом, потому что мы не начинаем с того места, где эти молитвы вырвались, вылились, словно кровь, словно поток любви из вдохновенной или глубоко опечаленной души. Если мы стараемся слиться с одной из этих молитв и чувствуем, что в достаточной мере стали едины с нею, мы должны быть благодарны: оказывается, мы разделяем переживание, которое порой превосходит нас, соучаствуя в том, что пережил кто-то из святых.

³ Одно из значений латинского *religō* — связывать.

Этот опыт возможно охватить, удержать, им можно обладать, его можно передавать различными путями. В этом отношении большую роль играют литургические формы. Богослужение состоит из форм, из личных молитв и из опыта тех, кто излил в молитвах собственный опыт и составил различные молитвы, чтобы все чинопоследование приобрело смысл. Если подумать о православном богослужении, то, например, вечерня ведет нас от сотворения мира к Благовещению, но не в форме повествования, которое бы развертывалось перед нами, не как речь, а тем, что ставит нас внутрь ряда переживаний, посредством которых мы соучаствуем в различных моментах этого долгого периода между сотворением мира и Благовещением.

Когда мы читаем Библию или какой-нибудь богословский труд, или писание мистика, мы читаем глазами, книга остается внешней для нас: мы можем в любой момент прервать чтение, мы можем в любой момент не согласиться с книгой, у нас есть время для того, чтобы отложить книгу и задуматься над ней. В богослужебном последовании нас как бы несет ход событий, которые развертываются вокруг нас, и мы находимся в ситуации, где мы уязвимы, но не в дурном смысле слова, — мы способны воспринимать, хотя и не имеем времени задаваться вопросами. Мы погружены в молитвы святых, в этот поток переживания, и в этих пределах мы соучаствуем в чем-то, что превосходит нас. Мы встречаемся и с символами, то есть с образами, с действиями, ситуациями, читаемыми текстами, которые разят нас в душу, когда мы не защищаемся от них, когда мы не анализируем их, не задаемся вопросами по их поводу, когда мы соглашаемся пережить *все* с тем, чтобы позднее проанализировать собственный опыт, возможно, вернуться к тексту и к чину и поставить вопросы. Но в данный момент этот опыт превосходит нас, и этот опыт от века разделяют с нами живые души, пережившие его. Все это является частью нашего психологического понимания переживаний, с которыми мы сталкиваемся.

Совершенно законно мы можем задуматься над собственным опытом, ставить вопросы, анализировать его, но не тогда, когда переживаем этот опыт. Потом все это может быть выражено в богословских терминах, но все богословские утверждения коренятся в первоначальном опыте, в осознании этого опыта. Дальше его можно передавать, вводя его в интеллектуальные рамки, но такие рамки, которые позволят нам вернуться к молитве, к переживанию опыта, который мы, возможно, забыли, потеряли, а теперь он возвращается.

Так что когда от полюса первоначального духовного опыта мы переходим к полюсу его выражения, во-первых, через нашу причастность

Божественному безмолвию, затем, когда мы несколько отделились от первоначального опыта, через свой непосредственный отклик, и, наконец, через молитвы, через богослужebные чинопоследования, через символы, через богословские утверждения, мы оказываемся на уровне психологии. Позволительно ли сказать, что одно можно противопоставить другому? Нет, и я приведу вам пример, который я вычитал в книге отца Софрония (Сахарова) о старце Силуане или в одном из писем, которые старец писал в конце 20-х и начале 30-х годов. Он рассказывает о собрании старших монахов, где ему был задан вопрос, на который он не знал, как ответить. Вопрос был таков: «Все мы имеем под своим руководством молодых работников, мы все следим за ними как можно строже, а они стараются отлынивать от работы. Мы заметили, что ты никогда не следишь за ними, а они у тебя всегда выполняют всю порученную работу. Что ты с ними делаешь?» И старец Силуан сказал им, что у него нет ответа на этот вопрос, что он только может рассказать, как он обычно поступает. И он рассказал: «Я встаю ранним утром, задолго до того, как проснутся рабочие, и молюсь за них, и только после этого выхожу к ним. После молитвы за каждого из них мое сердце тепло, я открыт им, и я их встречаю с радостью, с любовью, и они отзываются. Я раздаю им задание каждому по силам, по способностям, и ухожу в келью. И все часы, пока они будут трудиться, я молюсь за них». Дальше он описывает, как он молится, и это так интересно, по крайней мере, мне показалось очень интересным описание молитвы его словами, не моими. Он говорит: «Я стою перед Богом и молюсь по очереди за каждого из рабочих. Я говорю: «Господи, посмотри на Николая! Ему от силы двадцать лет. Он оставил свою деревню в центральной России, за тысячи верст, в деревне он оставил старых родителей, молодую жену, новорожденного ребенка. Как ему должно быть тоскливо! Он неграмотный, и они все неграмотные. Два или три года они ничего не будут знать друг о друге, пока он работает здесь, а он пришел сюда, потому что они так бедны, что то небольшое, что он здесь заработает, — и то гораздо больше любого заработка, какой он мог бы иметь в своей деревне. Помяни их!..» И так я рассказываю Богу о Николае, о его молодой жене, о его родителях, о их избе, которую нужно починить, о домашнем скоте, за которым надо ходить, о всех отношениях в деревне... Я прошу Его взять под покров эту малую группу людей. Потом я рассказываю Богу еще о ком-то, и еще, и еще... И настает момент, когда я постепенно уже помню не Николая, не Петра, не Ивана или еще кого-то, я помню только Бога, к Которому обращаюсь. И присутствие Божие нарастает

до такой степени, что наступает момент, когда я не воспринимаю ничего, кроме присутствия Божия, я забываю все об этих людях, все их нужды, и меня уносит в глубины Божии, словно я небольшая щепка в потоке. И там, в глубинах Божиих, я нахожу Николая, его молодую жену, ребенка, родителей, избу, и животных, и все их нужды, все и вся. В этот момент я приобщаюсь Божией собственной любви к ним, и эта любовь Божественная возвращает меня на землю и побуждает молиться снова своими земными словами».

Здесь мы видим этот переход человека, который обращается к Богу, встречает Его, уносит в глубины Божии все земные проблемы, обнаруживает, что все эти проблемы, все люди, все их нужды содержатся в этих глубинах, и бывает возвращен на землю, чтобы послужить им тут. Этот процесс — процесс духовный, невыразимый, он является непосредственным переживанием и, вместе, тонким психологическим процессом, в том смысле, что все, что содержится в мысли, содержится в переживании, которое можно рассматривать, анализировать, выразить, передать.

Это, думаю, все, что я могу сказать на данную тему.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

— *Опыт иногда можно передать. Но редко у кого из христиан есть опыт Бога как Троицы. Что вы можете сказать об этом частном вопросе?*

— С ранних веков люди пользовались целым рядом образов, чтобы передать понятие единства Божия и тот факт, что мы говорим о Нем: Отец, Сын и Святой Дух. Самый древний образ, насколько мне известно, — солнце. А именно: никто не знает, что значит быть солнцем в небе, то есть массой пылающего вещества, но мы все воспринимаем солнце через его свет и тепло. Мы причастны тому и другому. Свет мы не можем видеть, так же как мы не можем опытно знать, что значить *быть солнцем*, но свет позволяет нам видеть все так, как мы не могли бы видеть во тьме. Тепло — ему мы причащаемся, оно охватывает нас. Вот первый образ.

Другой образ дает святой Григорий Богослов, который говорит, что Бог — Троица, потому что Бог — любовь. И дальше он поясняет, что если бы Бог был арифметической единицей, монадой, то Он не мог бы быть любовью, Он мог бы любить только Себя. И тут мне на ум приходит образ из греческой мифологии, который не принадлежит св. Григорию Богослову, — образ Нарцисса, прекрасного юноши, который

увидел свое отражение в спокойных водах пруда и был так захвачен красотой этого отражения, что не мог оторваться от созерцания его и так и умер, и обратился в цветок. С другой стороны, говорит св. Григорий, совершенная любовь не может быть любовью двоих, потому что двое, чета — непрочное состояние. Двое, которые глядят друг на друга, в безопасности, пока не вторгается незванный третий. Как только появляется третий, ситуация превращается или в трагедию — Отелло (разумеется, Шекспира цитирует не святой Григорий), или в комедию, где возникают тройственные отношения. Двое были едины, пока не появился третий, и происходит перестройка, в результате которой возникает снова чета, но один член первоначальной пары как бы исключен.

И святой Григорий говорит, что любовь совершенна в тот момент, когда третий — не вторгается, когда он до конца принят и желанен. Можно думать об этом двояким образом. Можно сказать, что любовь каждого члена четы такова, так глубока, так бесстрашна, что они могут включить третьего — и взаимоотношения двоих не нарушатся. Или можно сказать, что если любовь двоих совершенна, они стали едиными, — по выражению опять-таки не Григория Богослова, а Шопенгауэра, стали одной личностью в двух лицах. Они стали едиными, и при этом единстве тот, кто мог бы быть третьим, становится вторым, он принят и принят до конца. Если опять-таки обратиться к образам греческого богословия о бытии Святой Троицы, порой ее можно уподобить танцу, хороводу, где каждое Лицо в каждый момент (потому что времени нет) занимает место другого Лица. И тогда мы понимаем, что нет третьего, который всегда в страдательном залоге, всегда должен быть принятым. Каждое Лицо в одномоментности безвременья и принимает, и отдает, и соглашается как бы *не быть*, то есть отстраниться, чтобы был принят другой. И это выступает с большой очевидностью, по крайней мере, для меня, в начале вечернего православного богослужения, когда священник кадиллом начертывает крест, произнося возглас: «Слава Святой, и Единосущной, и Животворящей, и Нераздельной Троице...». И провозглашая Святую Троицу, он как бы вписывает в Ее недра крестное знамение, потому что тайна Троицы — не тайна Бога, Который безопасно пребывает в Своей полноте, недоступный смерти. Этот Бог — сама Жизнь, в Нем любовь побеждает самоуничтожение и приятие Другого, в Нем смерть становится Воскресением и полнотой жизни. И когда мы думаем о Воплощении, о нем невозможно думать как о результате чего-то, что случилось с человечеством и было будто навязано Богу. Тайна умирания и воскресения находится в тайне Святой Троицы, она была спроецирована на историю человеческого

рода и включена в тайну Божию. Конечно, то, что я сказал — очень плохое изложение тринитарного богословия, но, мне кажется, ни Англиканская, ни какая-либо иная церковь не станет категорически это опровергать. Если касаться проблемы взаимоотношения Лиц Святой Троицы, то встает проблема *Филиокве*⁴, исхождения Святого Духа. Но то, что я изложил — нечто центральное, что у нас есть общее, и не вызывает никаких проблем.

— *Пользуется ли православная церковь психоанализом как средством душепопечения, работы с людьми?*

— Православная Церковь как таковая не использует психоанализ, в том смысле, что психоанализ не является одним из видов нашей официальной деятельности. Существуют православные психоаналитики. Точно так же нельзя сказать, что католичество, англиканство или так называемые свободные церкви⁵ практикуют психоанализ, хотя, возможно, это делают члены этих церквей. Психоанализ не входит в нашу пастырскую деятельность, в том смысле, что мы различаем психоанализ как метод лечения эмоционального или психологического расстройства от обычного руководства, которое дается в духовной беседе или на исповеди. И тут я бы сказал, что исповедь и психоанализ различаются, по крайней мере, в одном (хотя я лично думаю, что это не единственное их различие). В исповеди человек бывает поставлен перед своей ответственностью за то, что он есть и что делает, и получает наставление, как справиться с определенной ситуацией. Психоаналитик, как правило, не дает такого руководства. Он дает анализируемому (или порой заставляет его) нащупывать свой путь и, в конце концов, найти выход из ситуации.

— *Было ли чудом то, что молодой человек, о котором вы рассказывали (о его поступке ночью на мосту в оккупированном Париже), никак не пострадал, не был арестован или даже убит?*

— Знаете, очень легко провозглашать или, напротив, отрицать чудо. Я не думаю, что это было чудесное событие. В ту ночь по Парижу передвигались без разрешения многие люди, их не заметили, или они

⁴ Лат. *Filioque* — «и от Сына» — добавление, сделанное Западной (Римской) Церковью в Никео-Цареградский Символ веры (IV в.), об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но «и от Сына».

⁵ Свободные церкви — общее название протестантских организаций, которые находятся вне юрисдикции каких-либо иерархических структур и полностью автономны в вопросах вероучения, обрядности и внутренней жизни.

сумели скрыться; были и такие, кто просто шел без всякого злого умысла и был нелепо застрелен. Я помню, как мой сверстник возвращался домой с двумя товарищами. Улица была пуста; чтобы посмотреть, нет ли опасности впереди, он влез на фонарный столб — и был замечен и застрелен. Так что я не могу сказать, чудо ли это или просто случай. Мне кажется, про любое событие можно сказать, что оно чудесно, или что оно, так сказать, норма. Человек, о котором шла речь, был верующим, это только утвердило его в том, как он переживал Бога, что он знал о Боге, и он продолжал жить и действовать так же, как прежде.

— *Вы как будто видите положительный момент в смерти, вернее, в мысли о ней. Каждому ли человеку вы посоветуете иметь такое настроение, такое отношение?*

— Знаете, очень трудно говорить за другого человека. Я убежден, что, конечно же, смерть и возможность смерти придает жизни реальность, интенсивность и выносит на поверхность все, на что мы способны, разве что мы поддадимся страху, и он одолеет нас. Есть древнее христианское присловье: «Помни последняя твоя», т.е. помни смерть. Современный человек обычно понимает это как призыв помнить, что всякая радость должна быть отравлена страхом смерти, свет любого дня помрачен приближением конца. Значение этих слов вовсе не такое. Только если мы готовы стоять за свои убеждения, за свою веру, за то, чем мы являемся, до смерти *включительно*, можем мы собрать все свои внутренние силы. Иначе наша внутренняя энергия никогда не проявится в полноте. Французский писатель Рабле в письме к другу написал: «Я готов стоять за свои убеждения вплоть до повешения *исключительно*» — что означает, что он не был готов стоять за свои убеждения. Относится ли это к нам? Мы становимся гораздо более восприимчивы к интенсивности жизни, когда стоим перед возможностью смерти — непосредственной или в течение какого-то относительно короткого периода времени. Я это видел во время войны у людей раненых. Я это видел у пациентов в госпиталях и в общей практике. Для людей, стоявших перед лицом возможной смерти, банальности обыденной жизни становились слишком незначительными, они все больше жили существенным. Я говорю не о благочестии, я говорю об отношениях, о правде во взаимоотношениях.

— *Правильно ли я вас понял, что формулировки передать можно, а опыт невозможно передать непосредственно, не так ли?*

— Да, действительно, опыт никогда не возможно передать как таковой, в его уникальности, в его своеобразии. Но есть способы *что-то*

передать. Разумеется, все наши слова, все символы, образы будут совершенно бессмысленными для человека, у которого нет ни малейшего представления о такого рода опыте. Если у вас есть определенный опыт, и вы способны выразить его словами (поскольку это самый обычный способ передачи другим своего опыта), то, что вы говорите, будет понято людьми, которые могут узнать в ваших словах нечто, уже им известное из собственного внутреннего опыта. То, что им совершенно неизвестно, останется сплошным вопросительным знаком. Это мы находим и в Евангелии. В Евангелии Спаситель говорит среди толпы, и Он всегда дает ответ на вопрос, поставленный одним человеком. Он отвечает непосредственно на вопрошание одного человека. Но в толпе были, вероятно, и другие люди, которые ошупью шли к этому вопросу, но еще не были способны сформулировать его. Он был еще туманный, недостаточно ясный, чтобы выразить его словами, но когда они слышали вопрос и ответ, они могли узнать в вопросе собственную проблему или сказать: я еще не понимаю, но мне надо это запомнить. Так что в этом смысле нужно, чтобы у нас был частично совпадающий опыт, хотя бы зачаточный.

И, кроме того, были в толпе люди, которые никогда не сталкивались с подобными переживаниями, которым и в голову не приходили такие вопросы. Они, вероятно, пожимали плечами и переговаривались: что, мол, за нелепый вопрос задает этот глупец, и чего Он отвечает на совершенно невразумительный вопрос... Невозможно передать людям то, о чем у них нет никакого понятия. Но если есть хотя бы зачаточный опыт или знание, люди схватят то, что вы говорите, и постараются сформулировать это по-своему. Это единственное, мне кажется, что можно сделать.

— Можете ли вы сказать больше о путях передачи религиозного опыта? Вы сами сказали, что возможности слова ограничены. Какие еще можно найти пути? Как вы относитесь к современным харизматическим группам?

— Если позволите, я начну издаleка. Я говорил практически все время о словесном выражении нашего опыта. Но очень многое может быть выражено не словами, а, например, через искусство. Я сейчас думаю об иконах, которые — богословские утверждения в линиях и красках, и когда на иконы смотрят люди, способные воспринять смысл за пределом линий и красок, они обнаруживают этот смысл. То же самое верно в отношении музыки — для людей, которые способны воспринять ее. Я помню советский научно-фантастический

рассказ о межзвездном корабле⁶, который летел в небе, и на нем родился ребенок. Ребенок рос, а корабль все летел и летел. Покидая землю, путешественники собрали в компьютеры все земное знание того времени, так что ребенка учили день за днем, в соответствии с его возрастом и развитием, всему, чем обладало земное знание. Но были вещи, которые он никак не мог понять. Он читал и встречал в литературе, в поэзии описания, например, звука ветра в ветвях деревьев, звука трескающегося льда на реке или звенящих льдинок в ручьях. Это оставалось ему непонятно, потому что он никогда не слышал ничего подобного. Однажды он разговорился с уборщиком. Этот человек не имел ничего общего с техническим оборудованием и с наукой, его роль была просто поддерживать чистоту на корабле; и оказалось, что он играет на пианино. Мальчик поделился с ним: «Я не понимаю! Я не знаю, что такое ветер, я не знаю, что такое льдинки. Я не понимаю, что такое звуки!» И тот человек сказал: «О, я объясню тебе!» Он сел к пианино и изобразил льдинки, и звук ветра, и сумел передать это мальчику. Так что в этом смысле существует множество путей, как передавать не только интеллектуально, или на словах, или даже символически, то, чем мы пользуемся в богослужении, в общественной молитве.

Теперь: я думаю, что некоторые формы религии могут наносить вред. Я не говорю о частностях, а о подходе в целом. Возьмем, например, фундаментализм. Люди, которые говорят: «Так говорится в Писании, и, значит, так оно и есть», как правило, руководствуются переводом Священного Писания, которым они располагают. Это может быть перевод на русский язык, на английский, немецкий, французский, японский, но ведь это не оригинальный текст. А оригинал — да, слово Божие, но значит ли это, что Бог произнес именно эти слова? Говорил ли Бог с Адамом и Евой в раю на еврейском языке? Вряд ли; но Бог передал им некое знание. Я недостаточно ученый, чтобы ответить на этот вопрос, могу сказать лишь следующее. Вот — только что сотворенный мир, где не существует смерти. Согласно Библии, Бог говорит: «Если съедите от этого плода, смертью умрете» [Быт. 2: 17]. Это невозможно, эти слова ничего не значат. Можно процитировать еще множество мест или подходов. Так что я не думаю, что фундаментализм, если он просто придерживается буквы и не выходит за рамки слов, это общение с Богом, Который произнес эти слова, а не какие-то фантастические толкования.

⁶ А. и Б. Стругацкие. Звездный Маугли.

С другой стороны, я скорее сдержанно отношусь к опыту харизматиков, потому что он сугубо личный и не проверяется опытом общины. А для опыта Церкви, то есть всей общины, характерно, что каждый из нас обладает уникальным опытом, который позволяет нам участвовать в опыте других людей. Я знаю Бога определенным образом, но когда мой ближний говорит о Боге, я с полной уверенностью могу узнать, что он говорит о том же самом Боге, и могу перерасти ограничения собственного опыта во все больший и больший опыт.

На практике мой опыт знакомства с харизматическим движением в его разновидности говорения языками весьма, скажем так, сомнительный. Я прожил с одной харизматической группой три недели. То, что я видел, меня не особенно потрясло, потому что многое из того, что говорилось в состоянии транса, не казалось мне оригинальным или таким уж интересным. Но один случай меня обеспокоил. Один из членов группы начал говорить на неизвестном языке. Он говорил горячо, и все были захвачены красотой и вдохновенностью его речи — до тех пор, пока не открылась дверь, и не вошел человек, житель севера Испании. Он послушал несколько мгновений и воскликнул: «Остановите его! Он богохульствует». Тот говорил на баскском наречии и изливал в словах кощунства, богохульства и нечистоты, но его манера говорить, тон голоса были таковы, что все почувствовали душевный подъем.

Я привел вам один пример. Я не так уж много знаю в этой области, но, благодаря данному случаю, я отношусь с большой осторожностью к опыту, который передается. Какая его доля исходила от Бога? Какая доля исходила от извращенного человеческого духа, из греховности человека? И сколько было привнесено тьмой темного мира? Я не думаю, что дал вам ответ, это не суждение обо всем харизматическом движении, это совершенно не суждение о языкоговорении, но этот случай меня очень насторожил.

Перевод Е.Л. Майданович